

НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП(б)

Это был один из наиболее замечательных съездов нашей партии прежде всего потому, что он собирався в момент крутого перелома в политическом положении революционной России. Июльские события отбросили социал-соглашательские партии в объятия контрреволюционной буржуазии, власть фактически перешла в руки военной, палаческой клики, для которой Временное правительство являлось лишь маскировочной ширмой. Кончился мирный период развития революции. Съезду предстояло определить новую тактику борьбы за переход власти к рабочему классу и беднейшему крестьянству, за социалистическую революцию.

Съезд был примечателен и по числу делегатов и по их партийному стажу. На съезде присутствовало 157 делегатов с решающим голосом и 110 с совещательным. За короткое время, прошедшее после Апрельской конференции, число членов партии утроилось, партия стала мощным 240-тысячным коллективом, крепко сплоченным вокруг ленинского ЦК.

По партийному стажу делегатов съезд состоял почти исключительно из подпольщиков, и только четыре делегата работали в большевистских организациях меньше одного года. 77 делегатов имели стаж от 10 до 15 лет. Радостно было встретить старых товарищей по партийной работе, по тюремному заключению, этапам и ссылкам.

«Здравствуйте, товарищ Макар». Тот секунду смотрит на меня, затем лицо его расплывается в улыбке, и он крепко жмет мне руку. Мы весело вспоминаем, как он, товарищ Ногин, после Лондонского съезда прибыл к нам в Сормово, как мы встретились случайно на улице и как я принял его за подозрительную личность.

К нам подходит и тот, у кого была явка, тов. Данилов. Он старейший сормовский большевик, чертежник, а сейчас на съезде делегатом от сормовской, моей родной организации.

Вот Исаак Кизельштейн. Он москвич. Весной 1909 года я приехал на Московскую областную конференцию делегатом сормовской организации. Кизельштейн весь вечер знакомил меня с Москвой, а около 12 часов ночи повел на «крайний случай» (квартира, временно ставшая конспиративной.— *Ред.*), где лишь после долгих уговоров меня решились впустить. В конце этого же года

мы встретились с Кизельштейном уже в Пинеге, в архангельской ссылке, а затем во время войны в сибирской ссылке, в Верхотенском уезде. Сейчас на съезде он делегат от калужской партийной организации.

Вот товарищ Воробьев, канавинский рабочий. С ним вместе мы удирали летом 1907 года от полиции, окружившей нашу Нижегородскую общегубернскую партийную конференцию.

Я. М. Свердлов. С ним я познакомился недавно. Это он меня направил в Кронштадт на партийную работу. Но мы с ним земляки, нижегородцы, и у нас много общих друзей и товарищей. Больше всего товарищей по Питеру.

Вот М. С. Ольминский. Встречи с ним у меня были в 1913 году в редакции журнала «Просвещение», который он редактировал. Старейший член партии, бывший народоволец. Он открывал VI съезд партии.

Вот Лацис (Дядя), Евдокимов, с которыми в 1915 году шли этапом в сибирскую ссылку. Милый товарищ Самойлова Конкордия — прообраз Наташи в кинотрилогии о Максиме. И много других...

На съезде кронштадтская партийная организация, включавшая 3 тысячи членов партии, имела троих делегатов, в числе которых был и пишуший эти строки. В канун открытия съезда — 25 июля — состоялось частное совещание делегатов съезда, на котором присутствовало 30 человек с решающим голосом и 20 — с совещательным. Был принят регламент съезда, а затем обсуждался порядок докладов с мест. Этим докладам придавалось весьма большое значение — необходимо было иметь после июльских дней картину общего положения в России и состояния партийных организаций, в особенности находившихся под ударом наступающей контрреволюции.

Доклады с мест были намечены от областей, и только трем городам были предоставлены самостоятельные выступления: Петрограду, Москве и Кронштадту. Кронштадт и наша парторганизация могли гордиться тем большим значением, которое придавала партия революционному городу-крепости.

На следующий день съезд начал свою работу. В докладе от организационного бюро по созыву съезда Я. М. Свердлов с сожалением отметил, что «съезду придется отказаться от тех докладчиков, к голосу которых мы привыкли прислушиваться».

Особенно остро чувствовалось отсутствие Владимира Ильича. Ведь ни один партийный съезд, за исключением первого, ни одна партийная конференция не проходили без его участия и руководящего влияния. Впрочем, нам, кронштадтским делегатам, было известно, что и на этом съезде слово Ленина будет сказано. Накануне отъезда из Кронштадта я читал корректуру ленинской статьи, присланной Кронштадтскому комитету для напечатания. Она вот-вот должна появиться на съезде — эта небольшая брошюра под скромным заголовком «К лозунгам».

После отчетных докладов ЦК — о политической (Сталин), об организационной (Свердлов) и издательской деятельности ЦК — съезд перешел к заслушиванию докладов с мест. Этим докладам было уделено четыре заседания, — так велик был интерес делегатов к положению на местах. И это естественно. Доклады с мест представляли материал по обмену опытом. Из них мы узнали о наиболее успешных методах партийной работы, о причинах неудач и т. д. Так создавался важный коллективный опыт, обобщаемый в резолюциях и решениях руководящих органов партии.

С докладом о деятельности кронштадтской партийной организации мне довелось выступить на шестом заседании съезда 28 июля. Много выступавший на митингах, на заседаниях Кронштадтского и Петроградского Советов, сломавший немало копий на протяжении своей партийной жизни в спорах с меньшевиками и эсерами, здесь, на трибуне съезда, я испытывал глубочайшее волнение и даже некоторую робость. Чем это объяснить? Должно быть, тем чувством большой ответственности за каждое слово, произносимое с этой, важнейшей для члена партии, трибуны. После своего выступления я беседовал с рядом товарищей на эту тему: оказывается, они испытывали те же чувства.

Говоря о последствиях июльских событий, в которых Кронштадт занял видное место, я отметил, что на первых порах был некоторый упадок настроений, но он скоро миновал. «События, — говорил я, — ясно показали кронштадтцам, что к активности должна прибавиться революционная осторожность». Последнее слово не мое, я сказал «выдержка», а секретарю понравилось записать другое. Опущено также то, что в ходе июльских событий кронштадтцы приобрели недостающий им революционный опыт, об отсутствии которого накануне июльских дней говорил В. И. Ленин.

Восьмое заседание съезда — 29 июля — началось с объявления перерыва на полчаса для совещания президиума и членов ЦК. Дело в том, что в этот день было опубликовано постановление Временного правительства, предоставляющее министрам — военному и внутренних дел — право закрывать съезды и собрания. Было совершенно ясно, что это постановление направлено против нашего съезда и что над съездом нависла угроза закрытия. Ввиду такой угрозы совещание решило немедленно произвести выборы ЦК. В протоколах выборы ЦК не отражены. Они происходили закрытым голосованием, причем предварительно обсуждалась каждая кандидатура, кроме кандидатур широко известных товарищей; во время обсуждения кандидат удалялся за дверь обширного зала в помещении Сампсониевского братства (Выборгская сторона), где происходил съезд. Были избраны вместо девяти 21 член ЦК и 10 кандидатов. Рост партии и объема партийной работы потребовал расширения состава руководящего органа.

На следующий день съезд сменил место своей работы. «Глубже забрались в старое подполье», — шутили делегаты. Мы перешли к Нарвской заставе и разместились в небольшой классной комнате школы. Было здесь очень тесно, но как-то уютнее и товарищески интимнее. Здесь были сделаны доклады о текущем моменте, и как раз к этому времени из Кронштадта была доставлена брошюра Ленина «К лозунгам». Каждому делегату был вручен экземпляр брошюры, и все жадно принялись за чтение работы вождя. Кое-кому показалось очень странным предложение Ленина снять столь привычный и дорогой лозунг «Вся власть Советам!». Но предложение вытекало из ленинского анализа политической обстановки после июльских событий, а оспорить этот анализ было просто невозможно.

Ленинский анализ текущего момента имел решающее значение для съезда. Он был положен в основу доклада Сталина и большинства выступлений делегатов.

Резолюция по докладу «О политическом положении», а затем и манифест, выработанный Центральным Комитетом по поручению съезда, отразили ленинские положения и ленинское вдохновляющее и руководящее влияние на съезд.

По пересмотру программы съезд ограничился подготовительной работой секции. Новая программа была насущно необходима, но и в создавшихся политических условиях обсуждать и принимать ее было просто невозможно. Съезд принял протокол секции, в котором было записано: «В недалеком будущем необходим созыв специального съезда для выработки новой партийной программы».

3 августа съезд закончил работу.

*Петроград в дни Великого Октября.
Воспоминания участников революционных
событий в Петрограде в 1917 г. Л.,
1967, с. 217—222*